

Но начну, Константин Яковлевич, все же не с песен - так сказать, с паспорта. Вы коренной москвич. На Ломоносовский проспект приехали почти полвека назад - и отсюда никуда. Верны однажды избранному?

- Жилье менял, но немного. На Ломоносовский перебрался из однокомнатной квартиры в высотке - той самой, где гостиница «Украина». А до того жил на Арбате. В особнячке! Старый-старый дом, никакой не памятник ни истории, ни архитектуры. Коммунальный дом, бобыль посреди двора - это и был наш «особняк». Вообще-то считайте, вся жизнь - тут, на Воробьевых горах.

- Можно сказать, человек достаточно консервативный...

- По складу характера? Наверное, привязчив. Но знаете, жизнь в одну краску не покрасишь. Есть у меня:

*Как здорово эпоха нас лепила,
Как у нее налажен был поток,
А после окунуть еще любила
То в ледяное нас, то в кипятки.*

И вы хотите, чтобы, пройдя через это, человек ни в чем не менялся?

- На ваших глазах преображалась Москва. Она стала лучше, хуже или просто другой? Вообще, важна ли для поэтов среда обитания?

- Отлично помню еще первую реконструкцию Москвы в середине тридцатых. Мальчишкой, конечно. На моих глазах улица Горького, нынешняя Тверская, становилась такой, какой мы ее видим и поныне: солидные, основательные дома по индивидуальным проектам. Я был в метро в день открытия Сокольнической линии. Первая подземка и первые эскалаторы. Помню, как пассажиры боялись ступить на движущуюся ленту, нелепо прыгали на ступени, и милиционеры помогали им одолеть недоверие к транспортному чуду. Помню большие красные автобусы, разъезжавшие по Москве, - английские.

Сейчас иногда читаешь о сознательных поджогах старых домов с целью захвата земли и строительства чего-нибудь видного, броского. А тогда поджогов не было - старье просто сметали и на том месте строили элитные дома в переулках и маленьких улочках - где-нибудь на Бронной или в Приарбатье. Ничего не реставрировали, мало что охраняли, потому что ценности особой не видели: всего-то обычные дома, пережившие свой срок. И сколько таких домиков и особнячков, а больше всего церквей исчезло в одном Зарядье, когда строили гигантскую гостиницу «Россия»!

Кстати, той ушедшей Москве - ресторанам, забегаловкам, аптекам - я посвятил немало страниц в своих воспоминаниях, опубликованных недавно.

- Пошли по стопам дяди Гиляя?

- Да нет! Что утрачено, почему-то хочет возродиться хотя бы на бумаге... Хорошо, что многое в Москве все-таки осталось, если не в пределах Бульварного, так Садового кольца, в переплетении многочисленных переулков. Осталось, можно сказать, чудом.

- Почему же чудом?

- А потому что у нас нрав решительный. Ничего не стоит пустить одно, второе транспортное кольцо прямо по живому городу. Сторонись, что на пути! И даже если не строят никакой развязки, все равно рука замахивается на что-то давнее и милое. Возьмите Патриаршие пруды. В сторонке, никому и ничему не мешают. Так нет, зудит рука если не засыпать симпатичный дворцовый пруд, то хотя бы отметить каким-нибудь чудовищным «примусом» - якобы в память Булгакова.

В прошлом году я был в Париже после почти 30-летнего перерыва. Ни на йоту впечатление не изменилось. Обнаружил два новых памятника - де Голлю и Черчиллю да еще Центр искусства имени Помпиду. Вот и все. У нас же поставить случайную статую - это первой всего. Сколько их попыткали! Между прочим, лучшие памятники Москвы - все дореволюционные: Пушкину, Гоголю (работы Андреева), Минину и Пожарскому. Ну хоть бы их не беспокоили. Как бы не так! Непонятно зачем передвинули Пушкина на другую сторону улицы, Гоголя задвинули во двор, с глаз долой, Минина с Пожарским тоже потеснили: мешали проведению военных парадов. Ладно, хоть уцелели - ума хватило. А те, что поставили позже - Горькому, Маяковскому, - они довольно обычные. Ни фантазии, ни вдохновения. Стоят себе и стоят.

- Не чересчур ли сурово, Константин Яковлевич?

- Вы же хотели услышать про среду обитания? Я по теме... В 95-м году меня включили в комиссию по проведению столетнего юбилея Есенина. Вдруг говорят: «Есть предложение поехать в мастерскую скульптора и посмотреть памятник поэту». - «Как памятник? Наверное, проект?» - «Да нет, все уже готово». Что же получает-

Константин ВАНШЕНКИН:

Он у нас на слуху. В прямом смысле - на слуху. Иногда мы даже не подозреваем об этом. Вот замурлыкаешь на кухне «За окошком света мало» - и тебе готовы подпеть жена и дочь. Какой-нибудь праздник военный - и в дом твой, шагнув с болгарского постаменты, входит бессмертный Алеша, в гимнастерке и сапогах, совсем не гранитный паренек. Прощибет что-то ностальгическое - и подхватываешь бог весть откуда прилетевшее: «Кружится, кружится старый вальсок». А над всем этим, наперекор житейским неурядицам, душевным смутам, наперекор испытаниям, твоим и твоей страны - «Я люблю тебя, жизнь». А как же? Зачем тогда жить, если не любить?

Он на слуху у нас, поэт Константин Ваншенкин, то ли сочинивший эти песни, то ли просто подслушавший их в сердцах наших.

ТУТ НЕ ИГРА В СЛОВА, ТУТ - ВСЕРЬЕЗ

ся: есть комиссия, утвержденная правительством, и ей предлагается принять то, что уже принято! Когда, кем принято - одному богу известно. Какая-то непонятная боязнь публичного рассмотрения. К общественному мнению интереса - ноль. Вот и получили невыразительного Есенина на Тверском бульваре. Поставили, отметились. Самому сердечному поэту России - и так формально.

- Но будем все-таки объективны: в последние лет десять Москва обновилась заметно. Неужели ничего путного в этих переменах?

- Ну да, если брать за модель усредненный европейский стандарт, то выходит неплохо. Исполнил, мегаполис. Но с блестящим витринами, фасадами, с буйством рекламы уходит тепло улиц, ощущение домашности, интимности жизни. Торжествуют бетон, зеркальные стекла, лоск.

- Теперь понятно, почему я никогда не видел на вас гражданской шляпы. Только кепка.

- Я и галстук не терплю. Даже в прежние, довольно чопорные времена несколько писателей всегда обходились без галстука: Виктор Некрасов, Тендряков, Гранин. И я среди них. Всяк живет, как ему удобно. В прошлом году вместе с Граниным получал Государственную премию из рук президента и с удовольствием обнаружил, что питерец, как и я, приехал в Кремль без галстука. Уже давным-давно никто на такие пустяки не обращает внимания, и правильно.

- Насчет Кремля вы вояремья. Как раз хотел спросить вас об этой почтенной инстанции. «Художник не должен толкаться около власти» - это из вашего интервью. А где должен «толкаться» художник?

- Тут, наверное, что-то журналист переделал, слово «толкаться» явно не мое. Ну да ладно, по сути... Совсем быть независимым от власти художнику трудно, но и высказываться к ней расположение по любому поводу - не пристало. Быть подобострастным вообще унижительно для натуры

творческой. Правда, есть такие, кто при любой власти почему-то оказывается около нее. И существуют в полном порядке, не забыты, обогреты. Но у всего есть плата, и в конце концов близость к верхам художнику мстит. В самом главном - в творчестве.

- А по какому принципу отбираются любимцы?

- Ясно, по какому. Власть любит тех, кто ее славит. Будь она мудрей, предпочла бы больше объективности в отношении похвал. Не зря в прежние времена при дворах частенько были шуты. Они как бы снижали восхваления царедворцам. Могли и неприятное что-то сказать. Потом, правда, институт шутов как-то сам собой аннулировался в отличие от воспевателей.

Где место художнику? Ничего нового не скажу: где люди, обычная жизнь, там и место.

- В начале 50-х к вам в один день пришла литературная известность. Журнал Твардовского «Новый мир» напечатал стихотворение «Мальчишка». Всего одно.

Он был грозой нашего района, Мальчишка из соседнего двора...

Как вы думаете, что здесь подкупило Твардовского?

- Может быть, человечность. В ту пору появлялось много железобетонных стихов, где все выверено и «правильно». А тут - обычный московский двор. Что-то я задел такое, о чем прежде писать не решались. И Твардовский напечатал. Потом еще и еще.

- Вы приходили непосредственно к нему, главному редактору?

- Сначала нет, но однажды он сказал: «Принесите все, что напишете, прямо ко мне». Вообще сотрудничество с «Новым миром» - целый пласт в моей жизни. В разговорах с Твардовским, в самой журнальной атмосфере я острее стал понимать, что литература - жестокое дело, которому надобно отдаваться сполна. Тут не игра в слова, тут всерьез.

- Он был контактный, доступный человек?

- Сложный. Многие на него обижались.

- Внутри редакции?

- Нет, вообще. Потому что не умел дипломатничать, принимал решения, которые не всем по нраву. Мог пойти напролом. Вдумайтесь только: первым напечатал Солженицына! Нынешние молодые критики удивляются: что тут особенного - взял и напечатал. А ведь в то время представить было нельзя, что «Один день Ивана Денисовича» возможно опубликовать у нас в принципе. Твардовский отважился. И случилось событие. Именно событие. Не только в литературной, но и в общественной жизни. Без Твардовского не было бы никакого Солженицына, в том я уверен.

- Говорят, пил?

- Известное дело. Душа расслабления требовала. Но тут к месту вспомнить слова Блока. Обращаясь к обывателю, вполне доволному собой, своей женой и «конституцией куцею», Блок с горечью замечает: «А вот у поэта всемирный запой и мало ему конституции». Не все так просто у художника в отношениях с жизнью.

- У вас десятки поэтических книг, безусловное и устоявшееся имя в литературе. И все же никакая публикация, даже очень тиражная, не сравнится с песней, вырвавшейся в народ. Как случилось, что столько ваших стихов обрели музыку?

- Все благодаря Марку Бернесу. Это он загорелся петь «Я люблю тебя, жизнь».

- Но захотеть - мало.

- Надо знать Бернеса. Его темперамента - достаточно. Если загорался, не остановишь. А уж после первой песни возникла близкая дружба с композиторами Эдуардом Колмановским и Яном Френкелем. Однако начиналось именно с Бернеса.

- Голос-то у него, по правде говоря, не ахти какой.

- Не согласусь! Это уникальный голос безголосого Бернеса. Даже оперных певцов, очень знаменитых, можно спутать, слушая радио. А Бернеса не спутать ни с кем.

Но дело не только в голосе. Он умел со-здать песни. Находил стихи, заказывал тему, заставлял что-то переделать, чуть ли не редактировать брался. Прямо подвижник в искусстве. У него было врожденное чутье: это будет петься, сделать надо вот так-то... Абсолютным музыкальным слухом не отличался, зато абсолютным вкусом - нет спору. Например, «Журавли» Ра-сула Гамзатова «полетели» над страной только благодаря его стараниям. Или вот случай. Как-то, выходя с английской выставки в Сокольниках, Бернес увидел Евтушенку и неожиданно спросил: «Ну что, хотя ли русские войны? Вот подумай и напиши». Теперь эту песню знает почти всякий.

В любой работе был щепетил до мелочей. Я удивлялся, как это ему удается во всем разбираться - в автомобилях, радио-приемниках, магнитофонах. Он даже костюм мне шил, представляете? Посчитал, что я недостаточно хорошо одет для литератора. Сперва по всей Москве искал материал, причем точно знал, какой нужен. И неудивительно, если с ним даже женщины-актрисы советовались о нарядах.

- Он сам портняжил, что ли?

- Нет, конечно. Но шефствовал. И как!.. Приехали с ним в ателье на примерку. Бернес придирчиво осмотрел костюм, сурово взглянул на закройщика и без всяких церемоний: «Кто же так шьет? Разве это рукав?» Тот чуть не проглотил булавки, которые во рту держал. На лицах всех присутствующих растерянность и восхищение: вот это профессионал! Три, наверное, костюма он мне таким образом соорудил. Потрясающий человек! Таких поискать.

- А вы какую свою песню больше дру-гих любите?

- «За окошком света мало». Помню этот тихий беспросветный снегопад...

- Но ведь там все - от женского лица.

- И что же? «Не брани меня, родная» - мужское авторство. «Красный сарафан» - тоже. «Каким ты был...» - Исаковский. Примеров хватает, так что ничего худого не вижу. И слово «душа» - женского рода.

- На днях включено телевизор. На фоне государственного флага с гербом звучит «Я люблю тебя, жизнь». Довольно величественно и помпезно. Оказывается, рекламный ролик: Народная партия России включилась в борьбу за избирательские голоса накануне думских выборов... Мне любопытно: в подобных случаях спрашивают автора о его участии?

- Меня никто не спрашивал. Может, имели дело с Госрадиофондом. Считается, что в свое время 80 рублей там получил - какие вопросы?

- Но я не о деньгах. А вдруг вам не захочется в рекламу? Или симпатизируете другой партии?

- Также правильно. Но не спрашивали. А зачем? Утруждать себя лишним мнением? Я же рассказывал вам про памятник Есенину. И тут схожая история.

- Последний вопрос. Очень житейский. Все ваши сборники - непременно лирика. И сейчас, на восьмом десятке, вы ей верны. Это удивительно. Фронтовик, десантник, человек из «выбитого поколения», в 17 лет ушедший на Великую Отечественную... Как вам живется, победителю?

- Вот говорят, инфляция у нас невысокая и все такое. Но идешь на рынок или в аптеку, а карман все чувствует. За квартиру платишь - опять больше, чем вчера. Считается, что в Москве громадные деньги крутятся. Может, и крутятся, но как-то мимо миллионов людей. А уж про глубинку вообще страшно подумать - того хуже. Раньше хоть обещали сделать то-то и то-то, теперь и обещать перестали. Я тут недавно переписал в записную книжку высказывание одного нашего философа - Ильина Владимира Николаевича: «Вред государства всегда немедленный, польза от него всегда лишь в ожидании». Точно, про нас!

*Благодарю и протест
Одновременно выбрав,
Сидит он - сам себе подтекст
И сам себе эпиграф.
Так и живу.*

Вот уж не думал, что дом Ваншенкина вскоре достигнет меня... погодой. После дождя тянуло сыростью и подступающей прохладой. «Скоро осень, за окнами август» - витала грустная строчка из городского романа. Стоп! А ведь написан этот роман женой Константином Яковлевича - поэтессой Инной Гофф. И «Русское поле» - ее же. Уже двенадцать лет, как Инны Гофф нет в живых. Я открыл свежий, этого года, сборник лирики Ваншенкина - «Женщина за стеной». Сколько же здесь боли о потере той любви, долгой и единственной. Может показаться, это другая, отдельная история. Но у того, кто несет свой крест до конца, «других» историй не бывает.

Евгений ДВОРНИКОВ